
ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW SCIENCES

Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 9, вып. 4. С. 14–21.
Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2024;9(4):14-21.

Научная статья

УДК 347.9

DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-4-14-21

Доктрина malicious prosecution как перспективное средство противодействия злоупотреблению правом на иск о привлечении к субсидиарной ответственности

Роман Александрович Тараданов

*Челябинск, Россия
vestnik-prava@yandex.ru*

Аннотация. Внедрение в отечественную практику доктрины malicious prosecution и допущение подобных исков к арбитражным управляющим о взыскании морального и репутационного вреда, причинённого предшествующим предъявлением заведомо необоснованного иска о привлечении к субсидиарной ответственности, не только возможно, но и будет объективно способствовать совершенствованию правового регулирования и улучшению сложившейся ситуации.

Ключевые слова: возмещение вреда, деликт, злоупотребление правом, гражданское судопроизводство

Для цитирования: Тараданов Р. А. Доктрина malicious prosecution как перспективное средство противодействия злоупотреблению правом на иск о привлечении к субсидиарной ответственности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 9, вып. 4. С. 14–21. DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-4-14-21

Original article

The doctrine of malicious prosecution as a promising means of counteracting the abuse of the right to sue for subsidiary liability

Roman A. Taradanov

*Chelyabinsk, Russia
vestnik-prava@yandex.ru*

Abstract. The introduction of the doctrine of malicious prosecution into domestic practice and the admission of such claims to bankruptcy trustees for recovery of moral and reputational damage caused by a previous knowingly unreasonable claim for bringing to subsidiary liability is not only possible, but will objectively contribute to the improvement of legal regulation and improvement of the current situation.

Keywords: compensation for damage, tort, abuse of right, civil proceedings

For citation: Taradanov RA. The doctrine of malicious prosecution as a promising means of counteracting the abuse of the right to sue for subsidiary liability. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2024;9(4):14-21. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-4-14-21

Введение

Прежде всего, автор нижеприведённого текста считает необходимым уведомить читателей о том, что, будучи по профессии активно практикующим в банкротстве «прокредиторским» юристом, он искренне верит в фундаментальную роль принципа *parata sunt servanda* в обеспечении стабильности гражданского оборота и экономического развития.

В частности, автор лояльно относится к большинству «творческих способов» пополнения конкурсной массы и возврата выведенных активов, поскольку появление оных, как правило, является лишь следствием применения разнообразных «схемотехник» со стороны «продолжниковских» коллег. К числу таких способов, безусловно, относятся и иски о привлечении к субсидиарной ответственности.

По той же причине автор горячо поддерживает и Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ почти всякий раз, когда она убирает очередные обрывки и обломки так называемых корпоративных «вуалей» и «щитов», в отечественной действительности давно ставших не столько стимулами к открытию собственного дела для начинающих предпринимателей, сколько инструментами ухода от ответственности за откровенно незаконные действия.

Однако в 2019 году автору довелось увидеть сразу два иска о привлечении к субсидиарной ответственности, в которых «прокредиторские» коллеги в стремлении пополнить конкурсную массу зашли (по крайней мере, по субъективному мнению автора) слишком далеко.

Именно эти иски (а также сведения о значительном количестве их аналогов, полученные от коллег в ходе обсуждения рассматриваемой проблемы) и послужили мотивом написания настоящей статьи.

Два казуса для иллюстрации описываемой проблемы

Фабула первого дела весьма банальна.

В родном городе автора этой статьи достаточно долго существовала группа компаний, занимавшаяся торговлей грузовыми автомобилями, а также поставкой запчастей к оным и сервисным обслуживанием.

В этой группе компаний была создана, среди прочего, так называемая «управляющая компания», в которой были сосредоточены юридические, бухгалтерские и прочие административные функции, включая пресловутое согласование и визирование всех заключаемых компаниями группы договоров. Соответственно, в этой управляющей компании были трудоустроены и практически все руководители «документоведческих» отделов (финансовый, юридический, планово-экономический, бухгалтерия, служба внутренней безопасности и т. д.).

В 2015 году на фоне известных макроэкономических событий эта группа компаний столкнулась одновременно с падением покупательского спроса и кратным поднятием банками в одностороннем порядке ставок по кредитам, что её, собственно, и довело до банкротства.

Большинством кредиторов у каждой компании группы, которые при этом почти все были связаны перекрёстными поручительствами, предсказуемо оказались те самые банки, избравшие «своих» конкурсных управляющих.

И вот один из этих управляющих, назначенный как раз на экономически самую маленькую сервисную компанию (которая в основной деятельности группы практически не участвовала, но давала поручительства наряду со всеми остальными), не найдя признаков вывода активов и, соответственно, способов их возвращения, решил проявить своеобразно понимаемый «творческий подход».

Он предъявил иск о привлечении к субсидиарной ответственности в качестве контролирующего должника лиц не только директора этой сервисной компании и конечного собственника долей в ней, но и всех тех сотрудников управляющей компании, которые, в соответствии с журналами служебных записок и регламентом договорной работы, согласовывали заключение тех самых договоров поручительства с банками.

При этом ответ на вопрос о том, в чём состояла вина ответчиков перед банками-кредиторами, включившимися в реестр именно благодаря этим договорам, ни автору, ни судье получить от управляющего так и не удалось, поскольку вся его линия нападения свелась, по сути, к повторению тезиса о том, что «ответчики не могли не понимать, что размер поручительства многократно превышает стоимость активов должника» и полному игнорированию факта существования других компаний-поручителей.

Сама по себе эта ситуация могла бы показаться обычной имитацией бурной деятельности со стороны управляющего в целях обоснования получения вознаграждения, если бы не один нюанс.

Нюанс этот состоял в том, что практически сразу же (спустя всего пару недель после подачи иска и задолго до первого заседания) конкурсный управляющий предложил ответчикам «выкупить» права требования к ним по цене порядка 10 % от суммы иска (при том, что эта сумма составляла более полу-миллиарда рублей).

Возможно, читатели не согласятся, но представляется, что подобное «коммерческое предложение» недалеко ушло от практиковавшейся в 90-е годы отдельными представителями малообеспеченных слоёв населения в отдельных районах родного города автора пресловутой «поштучной торговли кирпичами».

При этом тот соответчик, которого довелось защищать автору, к моменту предъявления к нему иска

о привлечении к субсидиарной ответственности, успел после увольнения из группы поработать в другом месте, а затем и создать собственную компанию, занимавшуюся тем же самым сервисным обслуживанием и поставками запчастей для бывших клиентов обанкротившейся группы. Поэтому, когда заказчики увидели в «Картотеке арбитражных дел» определение о принятии к производству указанного иска (к слову, по некоторым, увы, оставшимся непроверенными данным — с подачи самого управляющего), многие из них стали отказываться от дальнейшего сотрудничества, полагая, что он является ненадёжным партнёром, что причинило ему весьма ощутимые убытки.

Про второй же случай, наверняка, многие читатели слышали сами, поскольку речь идёт о нашумевшем в 2019 году иске о привлечении к субсидиарной ответственности двух известных американских киноактёров (австрийского и китайского происхождения соответственно) по обязательствам российской киностудии, сумевшей убедить их сыграть в провалившемся в прокате фильме.

Само исковое заявление автору (к сожалению или к счастью) изучить не довелось, поскольку, вопреки сложившейся традиции, к соответствующей публикации в ЕФРСБ оно прикреплено не было¹.

При этом в своей публикации на сайте «Закон.ру» известный в сети исследователь и практик «коллекторской» деятельности Д. Ю. Жданухин (исходя из текста — знакомый с непосредственными авторами иска) указал, что реальными целями предъявления таких требований, скорее всего, были некие «месть и профилактика», причём в отношении не заявленных ответчиков, а реальных бенефициаров должника² (которые, к слову, в качестве ответчиков заявлены не были).

Формальная же мотивировка иска, если верить публикациям в СМИ, состояла в том, что «ответчики» участвовали в съёмках фильма, расходы на которые понёс должник, а доходы вместо должника получала другая принадлежащая реальным контролирующим должника лицам компания, в связи с чем оба актёра, получившие гонорары, должны быть признаны бенефициарами³.

Судя по карточке дела, сначала это заявление было оставлено судом без движения с указанием на то, что (цитата) «оно не содержит сведений, позволяющих с минимально необходимой степенью достоверности сделать обоснованные предположения о том, что ответчик, указанный в заявлении,

является или являлся контролирующим должника лицом»⁴, а затем новый управляющий, назначенный вместо предшественника, подавшего указанный иск, направил ходатайство о его возвращении⁵.

Представляется, что независимо от того, какой из вышеуказанных мотивов (предполагаемый реальный или описанный в СМИ формальный) является верным, в большинстве западных правовых порядков предъявление такого иска прежде всего привлекло бы внимание соответствующих дисциплинарно-этических структур сообщества, и авторам этого иска сильно бы повезло, если бы они хотя бы сохранили возможность и далее заниматься профессиональной деятельностью по этому профилю.

Однако более интересно здесь другое. Независимо от того, какое утверждение о действительной мотивации истцов является верным, согласно последующим публикациям в СМИ, те самые бенефициары подали, фактически, встречный иск⁶, в котором указали на то, что подачей вышеуказанного заявления им был причинён репутационный ущерб.

К счастью или сожалению, но этот иск был возвращён судом по формальному основанию несоблюдения претензионного порядка⁷, а сведений о подаче повторного иска найти не удалось.

Тем не менее оба приведённых казуса (а также значительное количество аналогичных случаев, описанных автору коллегами) роднят три факта:

- 1) эти иски предъявлялись управляющими при объективном отсутствии у них сведений о наличии у ответчиков вины в наступлении банкротства;
- 2) имеют достаточные основания полагать, что эти иски использовались для иных целей, не связанных с привлечением к ответственности за виновные действия;
- 3) подачей этих исков был причинён определённый вред.

Проще говоря, в таких случаях имело место злоупотреблением процессуальным правом на подачу такого иска в отсутствие реального материального права, которое должно им защищаться. То есть, виновное действие под видом правомерного. А виновное действие (в особенности такое, которое причинило вред), каким бы трюизмом это не звучало,

⁴ URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/690ac900-8340-4409-9eea-9917243ea495/ee34e79c-4e58-41b4-9d50-b4630a2a6989/A40-163029-2016_20190827_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

⁵ URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/690ac900-8340-4409-9eea-9917243ea495/8e9ddbcd-b8e2-4b15-b196-cel66b-799d44/%D0%9040-163029-2016__20190924.pdf?isAddStamp=True

⁶ URL: <https://pravo.ru/news/214182/>

⁷ URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e2e76350-1f74-481f-a2ca-5b25eaaaa756/fd2a63e3-a3b0-40d5-b1f1-c0fe0a26bedb/A40-227746-2019_20190909_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

¹ URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/MessageWindow.aspx?ID=F14478AA7BE9BC6B5D04095A7CECD7AA&attempt=1>

² URL: https://zakon.ru/discussion/2019/08/27/privlechenie_k_subsidiarnoj_otvetstvennosti_arnolda_shvarcenergera_i_dzheki_chana_s_tochki_zreniya_p

³ URL: <https://pravo.ru/news/214065/>

не должно оставаться безнаказанным. И если такие виновные действия носят более менее массовый характер, то необходимо разработать механизм такого наказания и защиты потерпевших.

По мнению автора этой статьи, таким механизмом может быть заимствование из практики стран англосаксонского права вполне неплохо ложающегося на нормы отечественного деликтного законодательства института malicious prosecution in civil proceeding, сиречь «злонамеренного судебного преследования в гражданском процессе», чаще всего сокращаемого просто до malicious prosecution (несмотря на то, что исторически этот термин использовался преимущественно для злонамеренного уголовного преследования).

Краткая история развития и актуальное состояние доктрины malicious prosecution в англо-американской практике

Полноценный обзор англоязычной доктрины по этому вопросу, пожалуй, вышел бы чрезмерно энциклопедичным, да и едва ли был бы интересен читателям (не говоря уже о том, что он занял бы большую часть объёма статьи без какой-либо существенной пользы для итоговой цели её написания).

Поэтому представляется целесообразным остановиться только на двух исторических точках её развития — самом старом из найденных автором исследований по данной проблеме и сравнительно недавнем прецеденте, который радикально изменил ситуацию в англоязычном юридическом сообществе (включая его как научную, так и практикующую ветви).

Упомянутое исследование — это статья под названием «The Action for the Malicious Prosecution of a Civil Suit» (сиречь, «Иск из злонамеренного судебного преследования с гражданско-правовым требованием»), опубликованная ни много ни мало в 1882-м году в двух частях в майском и июньском номерах журнала «The American Law Register» американско-канадским исследователем Джоном Дэвисоном Лоусоном¹.

Едва ли это имя что-то скажет даже самым заслуженным отечественным исследователям-компаративистам, но, судя по обилию упоминаний о нём и ссылок на его работы в англоязычной юридической литературе, этот историк права и систематизатор судебной практики внёс в западную цивилистическую науку примерно такой же вклад, как, например, К. Н. Анненков (с его «Системой русского гражданского права», «Опытом комментария к уставу гражданского судопроизводства» и прочими работами) — в дореволюционную отечественную.

Интересна же для нас эта работа в первую очередь тем, что в ней были собраны и озвучены практически

все аргументы, которые будут звучать в дальнейшем в науке и практике по рассматриваемому вопросу на протяжении более чем столетия.

Прежде всего, вот как он, с присущей его времени риторикой, описывает саму проблему:

«Суды предлагают мстительным и злонамеренным лицам простой, но ужасно действенный механизм реализации своих злодейских побуждений. Пусть в стенах судов обвиняемый не может считаться виновным, пока это не доказано, но за этими стенами правило иное, ибо для репутации быть обвинённым в преступлении почти так же плохо, как быть осуждённым за него».

Именно этим, как он далее пишет, в современной ему судебной практике объясняется возможность предъявления исков о возмещении морального вреда, причиняемого уголовным преследованием, а также злонамеренными попытками признания банкротом или недееспособным по причине психического заболевания (в оригинале — lunatic).

Также современная ему практика уже допускала взыскание с истца убытков, причинённых наложением ареста на имущество и судебных издержек.

Однако заинтересовавший Лоусона вопрос состоял именно в том, допустимо ли предъявление ответчиком иска к бывшему истцу за злонамеренное (malicious) и сутяжническое (vexatious) предъявление гражданского иска, которое не причинило ответчику прямого и очевидного вреда.

Прежде всего, он анализирует мнения старых («старых» применительно уже к его времени — начиная с XVII века) современных ему английских судей, которые были практически единодушны в том, что выигравшему ответчику не должно причитаться ничего сверх судебных издержек и так называемого *pro falso clamore suo* — особого штрафа, который суд мог назначить за попытку обмана к взысканию с истца в пользу ответчика по своему усмотрению, но признание которого зависело только и исключительно от воли судьи. Мотивировка невозможности такого иска, в общем и целом, сводилась к тому, что само по себе предъявление иска является правомерным действием, а правомерное действие не может влечь наказания, пусть даже оно оказалось следствием неправильного понимания закона или фактов. Кроме того, по какой-то причине некоторые судьи полагали, что предъявление такого иска в дополнение к судебным издержкам будет являться двойной ответственностью за одно нарушение.

Затем он переходит к изучению мнений современных ему американских цивилистов и американской судебной практике. Американские цивилисты и судьи в целом придерживались той же позиции, что и английские судьи, но дополнительно ими приводились аргументы о том, что допущение таких исков может повлечь уже их массовое предъявление

¹ John D. Lawson. The Action for the Malicious Prosecution of a Civil Suit, 30 U. Pa. L. Rev. 353 (1882). URL: <https://www.jstor.org/stable/3305156> (May) and <https://www.jstor.org/stable/3304762> (June)

ответчиками с целью отомстить проигравшему истцу. Кроме того, чем более поздние прецеденты исследовались, тем чаще в них встречались ссылки на то, что такие иски не принимались ранее, а потому нет оснований принимать их и впредь.

Впрочем, изредка и среди них встречались сомнения в непоколебимости подобного подхода.

Например, некий судья Rossell (к сожалению, кроме его фамилии в статье какие-либо его данные не приведены) обратил внимание на то, что «беспринципные люди нередко хвастаются, что они отомстят своим противникам, преследуя их с притворными требованиями» в судах, значительно удалённых от места жительства ответчиков, и потому даже при отсутствии положительных прецедентов такой иск допустим исходя из принципов «здорового смысла, общего права и общей справедливости».

В другом случае некий судья Southard указал, что такой иск следовало бы разрешить, поскольку сложившаяся практика возмещения издержек не достигает цели сделать заведомо необоснованные иски неприемлемо дорогими, однако допустимость подобного иска не может быть установлена рядовым окружным судом.

Наконец, в ещё одном случае некий судья Valentine в предварительном решении о принятии иска к производству указал, что, коль скоро, право суда назначить *pro falso clamore* в настоящее время отменено, ответчику должно быть предоставлено право на такой иск, поскольку «есть старая максима, что не может быть никакого права без средства защиты от него». Однако итоговый результат рассмотрения этого дела, увы, неизвестен.

Резюмируя же рассмотренные позиции, сам Лоусон отмечает, что в этом вопросе, к его сожалению, против объективной справедливости встал «вес авторитетов», и изменить эту печальную ситуацию будет трудно.

И это действительно оказалось трудно, поскольку, как показала история, несмотря на то, что многочисленные попытки предъявления таких исков предпринимались и позже (см., например, опубликованную столетием позже в 1984 году в «Hastings Law Journal» статью Джонатана Ван Паттена и Роберта Уилларда «Пределы защиты: предложение иска о взыскании убытков, причинённых злонамеренными действиями в гражданском споре»¹), но событие, изменившее ситуацию, случилось лишь 134 года спустя.

Событием этим стало рассмотрение Верховным судом Великобритании дела Willers v. Joyce and

another и вынесение по нему Решения от 20 июля 2016 года², в котором, спустя несколько столетий после поднятия этого вопроса в практике, предъявление такого иска наконец-то было признано допустимым и определён круг существенных обстоятельств для его рассмотрения (после чего сайты множества англоязычных юридических фирм запестрели соответствующими объявлениями о предложении новой услуги).

Прекрасный анализ данного решения и долгого пути английских судов к нему был составлен Н. В. Платоновой в статье, опубликованной ещё в 2018 году [1, с. 98–123], а повторять его и тем самым, пусть даже невольно, присваивать её идеи, было бы некорректно. Поэтому представляется целесообразным предложить читателям ознакомиться с ней самостоятельно (тем более, что она доступна для скачивания в сети³), а здесь лишь привести основные тезисы, которыми руководствовался суд, и которые действительно вполне могут быть восприняты отечественной практикой.

Прежде всего, фабула дела почти идеально подходит для настоящей статьи с точки зрения аналогии фактов, поскольку истцом, потребовавшим возмещения причинённого вреда (Willers) ранее являлся директором компании, владелец которой (Gubay, которого, в связи с его смертью, процессуально сменил Joysе) предъявил ему иск о взыскании убытков, причинённых им компании на этом посту, но проиграл его, поскольку было установлено, что все бизнес-решения принимались директором строго в соответствии с указаниями этого самого владельца (причём, что любопытно, основным вменявшимся в вину директору эпизодом было предъявление некоего иска к другой компании, однако, каким образом это причинило убытки компании, в решении не раскрывается).

Судья лорд Toulson (с которым согласились судьи леди Hale, лорд Kerr и лорд Wilson) начал мотивировку решения с того, что обратил внимание на два наиболее свежих отказных решения по сходным делам.

В первом из них судья лорд Steyn отказался рассматривать сходный иск бывшего муниципально-го работника к муниципалитету за злонамеренное преследование в дисциплинарном (вероятно, у нас считавшимся бы трудовым) споре, а во втором судья лорд Sumption отклонил подобный иск со стороны инженера, на которого страховая компания попыталась в судебном порядке переложить вину за убытки, хотя и располагала документальным подтверждением отсутствия оной. При этом оба дела привлекли внимание СМИ, что существенно ударило по репутации бывших ответчиков.

² URL: <http://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKSC/2016/43.html>

³ URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7513>

¹ Jonathan K. Van Patten and Robert E. Willard, The Limits of Advocacy: A Proposal for the Tort of Malicious Defense in Civil Litigation, 35 Hastings L. J. 891 (1984). Available at: https://repository.uchastings.edu/hastings_law_journal/vol35/iss6/1

В обоих случаях достопочтенные судьи привели подробный обзор прецедентов в обоснование своих позиций, однако лорд Toulson, выразив уважение к старательной архивной работе коллег, тем не менее, счёл возможным привести следующую (как представляется, отчасти ироническую) мысль: «Мне очевидно, что прошлое прецедентное право допускает различные заслуживающие уважения интерпретации, и в нашей истории понимание границ деликта менялось с течением времени. То же самое можно сказать и о других вопросах общего права. В любом случае, решение в настоящем деле не должно зависеть от того, позиция какой стороны по спорному вопросу правильнее с точки зрения закона, действовавшего несколько веков назад».

Далее он подробно описывает, почему следует считать устаревшим и/или нерелевантным каждый из исторических прецедентов, включая и те, которые рассматривал в вышеописанной статье Джон Д. Лоусон, а также поясняет отклонение прежних политико-правовых аргументов против такого иска.

Например, он критически оценивает тот самый довод о вероятности массовой необоснованной подачи уже этих новых исков (в оригинале обладающий интересным метафорическим названием «floodgates», что семантически переводится как «шлюз», но буквально переводится как «врата потопа»). По его мнению, недопущение «хорошего» иска только лишь потому, что его допущение может повлечь предъявление «плохих» исков — это «непривлекательная» логика, поскольку она предполагает, что один недобросовестный истец лишает права на иск неопределённое число добросовестных. Более того, само допущение такого ответного иска, по его мнению, наоборот, будет служить дополнительным сдерживающим фактором для тех, кто захочет злоупотребить правом на гражданский иск (и с этим сложно не согласиться).

Интересное возражение приводится и против опасений того, что будет сложно отличить злонамеренное преследование от простого заблуждения — это ссылка на известную цитату некоего прежнего авторитетного учёного, указавшего, что «Даже собака способна различить, когда её пнули, а когда об неё запнулись» (в оригинале: «Even a dog distinguishes between being stumbled over and being kicked»).

При этом судья лорд Toulson говорит о возможности различных вариантов состава злонамеренного преследования. Например, помимо простой цели создания трудностей в силу субъективной неприязни и при осведомлённости об отсутствии вины (как в рассматривавшемся деле), речь о таком злонамеренном преследовании также может идти в случаях, когда иск подаётся «не для добросовестной цели рассмотрения дела, а для получения от него какой-то посторонней выгоды, о праве на которую даже речи

не идёт» (в оригинале: «...may bring the proceedings, not for the bona fide purpose of trying that issue, but to secure some extraneous benefit to which he has no colour of a right»).

Таким образом, впервые в практике англоязычных стран было разрешено предъявление бывшим ответчиком, выигравшим дело, ответного иска к бывшему истцу, если последний предъявлял его не с целью реального разрешения спора, а с некой иной целью, которая не может быть признана добросовестной.

Насколько же применима подобная доктрина с точки зрения российского деликтного законодательства к ситуациям со злонамеренным предъявлением исков о привлечении к субсидиарной ответственности, которые были описаны в начале настоящей статьи, рассмотрим далее.

Правовое обоснование возможности и пределов иска к арбитражному управляющему о взыскании морального и репутационного вреда, причинённого предшествующим предъявлением им заведомо необоснованного иска о привлечении к субсидиарной ответственности

Прежде всего, представляется необходимым подержать тезис, высказанный в вышеуказанной статье Н. В. Платоновой, о том, что установленная ст. 1064 ГК РФ презумпция вины причинителя вреда сама по себе подразумевает то, что доказанность факта причинения вреда означает и доказанность вины.

Факт же причинения такого вреда в случае с исками о привлечении к субсидиарной ответственности, как нам представляется, является неоспоримым.

Так, размер требований о привлечении к субсидиарной ответственности, по общему правилу, в силу п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве представляет собой сумму всех непогашенных требований кредиторов, а она, как метко выразился Ю. В. Тай, обычно является «макабрической» [2, с. 89–130]¹, то есть обескураживающе огромной и фактически, в случае взыскания, обрекающей ответчика на очень тяжёлое существование до самой смерти (ибо от таких обязательств ответчик не сможет освободиться даже с помощью личного банкротства в силу прямого указания п. 6 ст. 213.25 Закона о банкротстве). Едва ли кто-то будет возражать, что подобный иск обычно причиняет значительные страдания в действительности невиновному ответчику.

Что же касается репутационного вреда, то, опять же, в силу п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, иск о привлечении к субсидиарной ответственности по общему правилу предполагает обвинение ответчика в умышленном доведении должника до банкротства и обмане кредиторов. Фактически, такой иск

¹ Рассматриваемый фрагмент также доступен здесь: URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/27/obespechitelnye_mery_kak_nam_obustroit_rossiyu_chast_3

представляет собой не что иное, как частное обвинение в совершении экономического преступления (мошенничества по ст. 159 УК РФ, преднамеренного банкротства по ст. 196 УК РФ, злоупотребления полномочиями по ст. 201 УК РФ и т. д.), хотя и не сопряжённое с прошением о назначении уголовного наказания. Как здесь не вспомнить вышеприведённую цитату Джона Д. Лоусона о том, что «за стенами суда быть обвинённым в совершении преступления означает почти то же самое, что его совершить?»

И хотя определение размера этого вреда лежит в плоскости широкой судебной дискреции, едва ли в его возмещении в таких ситуациях может быть отказано полностью только потому, что его сложно исчислить.

При этом, отвечая на возможное возражение о том, что предъявление иска является правомерным действием (а по российскому праву вред, причинённый правомерными действиями, возмещению не подлежит), хотелось бы обратить внимание на то, что в сложившейся практике допускается констатация незаконности (ничтожности) сделок по причине их совершения с целью злоупотребления правом (так называемая «связка ст. 10 и 168 ГК РФ»). А коль скоро мы допускаем констатацию незаконности сделки, совершённой в целях злоупотребления правом, едва ли будет логично отрицать возможность констатации незаконности иных юридически значимых действий с той же целью.

Кроме того, норма п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве говорит о том, что «при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества». Эта норма в изрядной степени снижает силу презумпции добросовестности в отношении арбитражного управляющего, а упоминание «общества» к тому же максимально приближает ситуацию к той самой концепции *duty of care* (сиречь, «обязанности учитывать интересы окружающих»), невозможность возложения которой на обычного среднестатистического истца очень долгое время служила одним из препятствий к допущению подобных исков для английских и американских судей.

При этом, поскольку такие иски предъявляются управляющим не от собственного имени, а от имени должника, на управляющего крайне редко переносятся судебные издержки, даже если суд их взыскивает в полном объёме. Напротив, они обычно отправляются в текущие требования к должнику и, фактически, переносятся с управляющего на реестровых кредиторов, которые теряют соответствующий кусок конкурсной массы. В связи с этим сдерживающая роль самого факта допущения таких ответных исков, о которой говорилось выше, становится ещё более актуальной.

Кроме того, представляется, что такие деликты со стороны управляющих вполне могут признаваться страховыми случаями наряду с другими фактами причинения вреда и взыскиваться за счёт обязательного страхового покрытия, что делает их для управляющего хотя и неприятными, но не влекущими полную блокировку деятельности в случае удовлетворения.

Что же касается конкретных ситуаций, в которых такой иск представляется уместным, то у них, скорее всего, может быть как минимум два характерных признака.

Первый признак — это отсутствие предшествующего заключения управляющего о наличии признаков преднамеренного банкротства. Выявление таких признаков является обязанностью управляющего в силу п. 2 ст. 20.3 Закона о банкротстве, а формой их выражения является именно такое заключение, прилагаемое к отчёту (причём оно может быть представлено на любой стадии, даже если ранее за недостаточностью информации было составлено заключение об отсутствии таких признаков).

Соответственно, управляющий, требующий привлечения ответчика к субсидиарной ответственности за доведение должника до банкротства, но не обнаруживший при этом у должника признаков такого доведения, противоречит сам себе и потому вполне может считаться предъявляющим заведомо необоснованное требование.

Второй признак — это отсутствие какой-либо поддержки со стороны кредиторов. Хотя по общему правилу предполагается, что управляющий в значительной мере действует самостоятельно и принимает самостоятельные решения, поскольку балансирует между интересами конкурирующих даже между собой кредиторов, всё же едва ли кто-то будет спорить, что разумное и добросовестное поведение предполагает согласование с ними ключевых действий и решений. Кроме того, ключевой задачей управляющего всё же является пропорциональное погашение их требований в установленном порядке.

Поэтому в ситуации, когда имеются доказательства того, что ни один из кредиторов не считает заявленного ответчика виновником банкротства, следует исходить из того, что предъявление такого иска является личной инициативой управляющего и защищает он не интерес кредиторов, а некий собственный интерес, которого у него, помимо получения законного и установленного судом вознаграждения, быть не должно.

Вместе с тем представляется сомнительной допустимость предъявления таких исков к конкурсным кредиторам, предъявляющим подобные иски самостоятельно, поскольку едва ли к ним может быть применён аналогичный стандарт профессионализма, а степень их осведомлённости об обстоятельствах дела в силу недоверия «чужому» управляющему

зачастую оставляет желать лучшего (иначе говоря, с их стороны является намного более вероятным именно добросовестное заблуждение).

Заключение

В силу изложенного выше представляется возможным утверждать, что внедрение в отечественную практику доктрины malicious prosecution и допуще-

ние подобных исков к арбитражным управляющим о взыскании морального и репутационного вреда, причинённого предшествующим предъявлением заведомо необоснованного иска о привлечении к субсидиарной ответственности, не только возможно, но и будет объективно способствовать совершенствованию правового регулирования и улучшению сложившейся ситуации.

Список источников

1. Платонова Н. В. Возмещение вреда, причинённого предъявлением необоснованного иска: к вопросу о материально-правовом значении процессуального поведения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 6. С. 98–123.
2. Тай Ю. В., Бudyлин С. Л. Обеспечительные меры. Как нам обустроить Россию?! // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 4. С. 89–130.

References

1. Platonova NV. Compensation for damage caused by filing an unfounded claim: on the issue of the substantive and legal significance of procedural behavior. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2018;(6):98-123. (In Russ.).
2. Tai YuV, Budylin SL. Security measures. How can we improve Russia?! *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Bulletin of Civil Procedure*. 2020;10(4):89-130. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. А. Тараданов — юрист.

Information about the author

Taradanov Roman Aleksandrovitch — lawyer.

Статья поступила в редакцию 04.10.2024. Одобрена после рецензирования 01.11.2024. Принята в печать 16.12.2024.

The article was submitted 04.10.2024; approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author declares no conflict of interest.